

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.002
УДК 811.512'373.6 + 811.553'373.6
+ 811.512.1'373.6 + 81'27 + 398(571)

В. В. Напольских
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Москва, Россия

ХАКАССКО-АЛТАЙСКИЙ МИФОНИМ *KER* И ПРАЕНИСЕЙСКОЕ НАЗВАНИЕ МАМОНТА. II*

В статье рассматривается происхождение названий мамонта или связанных с мамонтом чудовищных существ — важнейших элементов мифологического ономастикона ряда сибирских традиций: тюркской, енисейской, тунгусской. Для реконструированного в первой части статьи ПЕН **čer* / **i'èkàr* 'мамонт (гигантская рогатая рыба)' > кет. *'tēl'* ~ юг. *'čel'* ~ пумп. **k^her* (> алт., хак., тел. *ker, kār* 'чудовище, в особенности гигантская рыба') предлагается доенисейская (сино-кавказская) этимология из **čHirV[V]V* (> ПСевК **čirVχV* 'гусеница, улитка; линия' ~ ПСинТиб **čaŋ* 'ящерица' ~ (?) бур. *hargin* 'дракон, чудовище, в которого превращается змея'). Предполагается, что образ мамонта-рыбы и соответствующие онимы в Сибири (в отличие от широко распространенного и более древнего образа мамонта-быка) сформировались в праенисейской традиции после продвижения носителей енисейского праязыка с южной прародины в Сибирь на базе представлений о превращении змеи, рыбы или подобного им хтонического животного в гигантское драконоподобное существо, бытовавших еще у сино-кавказских предков енисейцев и сохранившихся в памиро-гиндукушском регионе и в Древнем Китае. На формирование

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

образа мамонта-рыбы у енисейцев повлиял также иранский по происхождению мотив «Рассекающий дерево пояс». Енисейский образ мамонта-рыбы распространился затем в Сибири и в частности был заимствован в шаманскую традицию эвенков, о чем свидетельствует и возможная этимология эвенк. *sel̄* ‘мамонт’ (в том числе мамонт-рогатая рыба) из реконструируемой формы неизвестного енисейского языка **sel̄* (< ПЕн **čer* / **tək̄ar*).

Ключевые слова: мамонт; этимология; мифология и фольклор Сибири; шаманизм; сино-кавказские языки; енисейские языки; тунгусо-маньчжурские языки; эвенкийский язык; тюркские языки

Мэнүиду сулакидув

В первой части статьи [Напольских, 2022б] была уточнена и обоснована праенисейская этимология названия мамонта-рогатой рыбы, основанная на происхождении хакасско-алтайского мифонима *ker* из пумпокольского языка: ПЕн **čer* (по С. А. Старостину) / **tək̄ar* (по Г. Вернеру) ‘мамонт (гигантская рогатая рыба)’ > кет. *t̄el̄* (Pl. *t̄ek̄ŋ* / *tet̄n* / *t̄el̄aŋ*) ‘мамонт-рыба’ ~ юг. *t̄el̄* (Pl. *t̄ek̄ŋ* / *t̄el̄iŋ*) ‘мамонт-рыба’ ~ пумп. **k̄er* (> алт., хак., тел. *ker*, *k̄ar* ‘чудовище, в особенности гигантская рыба в эпических сказаниях и шаманской мифологии’).

Мамонт выступает в разных ипостасях в традициях различных народов Сибири. Наиболее распространены образы мамонта-подземного быка и мамонта-рогатой рыбы [Иванов, 1949]. Поскольку в кетской традиции образ мамонта-рыбы безусловно превалирует (мамонт-бык если и есть, то явно маргинален) [МифК, 216–220, 299–300], то же верно и в отношении близкой к кетской селькупской традиции [Прокофьева, 1949; СелькМиф, 151–152, 154] (у селькупов считалось, что мамонтом может стать не только старая щука, но и, например, лось; однако и лось превращается в существо, живущее в воде и подрывающее рогами-бивнями дно и берега рек [Григоровский, 1882, 49–53]). Именно кетско-селькупская зона выглядит как центральная для ареала распространения образа мамонта-рыбы в Сибири и территориально, и по степени доминирования этого образа над другими ипостасями мамонта. Поэтому можно предварительно предположить, что сложение образа мамонта-рыбы происходило изначально именно в енисейской языковой среде — или, по крайней мере, что енисейцы входили в круг народов, в культуре которых этот образ сформировался¹. Во всяком случае, представления о мамонте как о чудовищной рогатой рыбе следует восстанавливать как минимум для праенисейского языка и культуры. Распад праенисейской общности плеттохронологически датируется серединой VIII в. до н. э. [Касьян, Старостин,

¹ Мамонт-рыба или водный мамонт присутствует еще в обско-угорской традиции (манс. (с.) *vit-kās* и др. [WogW, 212, 729]; хант. (в.) *wes* [DEWOS, 1631–1632]) и в эвенкийской (*sel̄* [ССТМЯ, 2, 140]), откуда попал, видимо, и к якутам [Иванов, 1949, 138]. Об эвенкийском слове см. ниже, обско-угорские традиции знают также подземного мамонта-быка.

2017], что хорошо согласуется и с неплохо фундированной гипотезой о связи праенисейского с карасукской археологической общностью юга Западной Сибири (финал — в VII в. до н. э.) [Членова, 1969]². Таким образом, можно полагать, что в начале I тыс. до н. э. среди населения территорий от верховьев Енисея до среднего течения Иртыша присутствовали носители позднего енисейского праязыка, в мифологии которых существовало представление о гигантской рогатой рыбе-мамонте **čer* / **t'èkár*. Поскольку перед нами явно непроизводная основа, следует думать, что для этого обозначения мамонта, с останками которого имели дело древние енисейцы в Западной Сибири, было использовано более древнее, доенисейское слово с другим значением.

И в самом деле, ПЕН **čer* / **t'èkár* обнаруживает внешние параллели (в рамках сино-кавказской макросемьи), которые могут раскрыть древние истоки образа мамонта-рогатой рыбы и механизм его формирования в культуре енисейского пранарода. Прежде всего это северокавказские и сино-тибетские параллели:

- ПСевК **çirVχV* ‘гусеница, улитка’ > авар. *caráhoj* ‘гусеница’, лезг. *çirv*, таб. *çirv^w*, рутул. *çiruχ* ‘гусеница; цепочка, линия’, адыг. *çərvə* ‘улитка’, (?) абх. *a-ç^wav^wa* ‘линия’ [NCED, 366];

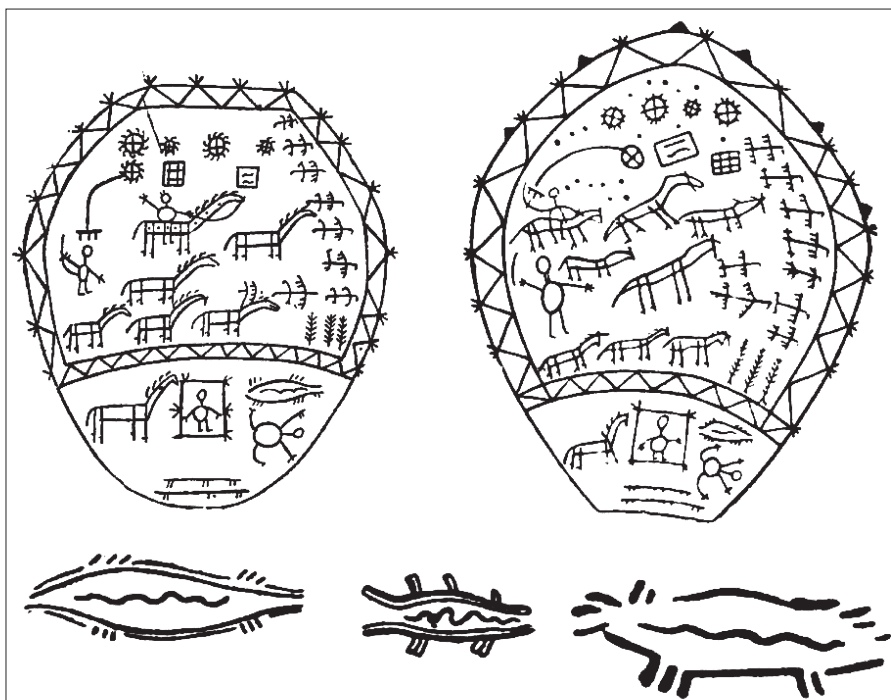
- ПСинТиб **çan* ‘ящерица’ > тибет. *rcanʒ*, бирм. *san(h)* ‘ящерица’ и др. [СинТибЭтим].

В сино-кавказской этимологической базе [СинКавкЭтим] эти сино-кавказские слова сопоставляются с ПЕН **čer* ‘мамонт’ под вопросом, С. А. Старостин видел больше оснований сравнивать их с ПЕН **tun* (> кет. *tuín*) ‘ящерица’ и восстанавливал прасино-кавказское **çHirV[β]V*. Однако фонетически ПЕН **čer* / **t'èkár*, безусловно, ближе к данным сино-кавказским формам, а семантическое развитие также вполне объяснимо. Существа типа улитки, гусеницы и ящерицы в сибирских традициях обычно рассматриваются как хтонические, имеющие отношение к нижнему, водному миру. Енисейский мамонт **čer* / **t'èkár*, равно как хакасско-алтайское *ker* (прежде всего гигантская рыба *ker-балык* [см. подробнее: Напольских, 2022б]), относится к разряду тех же мифологических персонажей. Представления о мамонте могли начать складываться у предков енисейцев после предположительного прихода их с юга в Сибирь, где останки этих животных встречаются в изобилии, а бивни активно используются как поделочный материал. Поскольку мамонт осмыслялся как подземное / подводное животное, использование для него слова, обозначающего хтонических существ, понятно.

Есть, однако, и дополнительный аргумент в пользу предполагаемого семантического развития. Здесь вновь важны данные хакасско-алтайской традиции,

² Относительно поздняя дата распада енисейского языкового единства не дает оснований для предположения о раннем возникновении пумп. **k^her*, вследствие чего хронологически едва ли возможно думать о енисейском (пумпокольском) источнике авестийского имени гигантской рыбы *Kara* [Bartholomae, 1904, 451; ЭСИРЯ, 4, 277–278] (благодарю Ю. А. Дзицойты за обсуждение этой интересной темы).

усвоившей образ пумпокольского (*resp.* общенисейского) мамонта. Гигантская рыба (тел. *кер-балык*, хак. *кир-сортан* ‘*кир-щука*’), порождение духа-хозяина вод (тел. *суу-ääzi*, хак. *суг-ээзи*), изображается на телеутских и хакасских шаманских бубнах (всегда в нижней, подземной / подводной части композиции) как черный контур с волнистой красной линией внутри, передающей ее внутренности (см. рис.). Перед камланием шаман призывает *кер-балык* и трижды опоясывается ею или ее внутренностями, обозначенными на рисунке на бубне красной линией, как поясом или обручем [Потапов, 1949, 193; Дыренкова, 1949, III, 120–121; Новиков, 1949; Бурнаков, 2019, 181–182].

Изображения *кер-балык* на телеутских шаманских бубнах [по: Дыренкова, 1949]:
вверху — два шаманских бубна, *кер-балык* помещена на обоих в нижней, подземной
части композиции справа; внизу — прорисовки изображений *кер-балык* на разных
шаманских бубнах; линия, идущая посередине фигуры, — красная

Аналогичный мотив обнаруживается в опубликованном В. Радловым алтайском сказании «Тактабай-мерген», где чудовище *Кер-Юмна* предлагает герою опоясаться его нутряным жиром, герой же обвязывается нутряным жиром *Кер-Юмна* «железный тополь», который от этого весь сгорает [Radloff, 1866, 39–40] (мотив «Рассекающий дерево пояс» в каталоге Ю. Е. Берёзкина и Е. Н. Дувакина [L124A], подразумевающий получение великой силы вследствие такого опоясывания).

В связи с особой важностью внутренностей *ker-балык*, изображаемых в виде отдельной красной линии на шаманских бубнах, нельзя не обратить внимание на значение ‘линия’ у дериватов ПСевК **çirVχV* ‘гусеница, улитка’, по крайней мере в рутульском и абхазском языках. Можно предположить, что уже на стадии формирования енисейских представлений о мамонте-рогатой рыбе с этим существом был связан мотив L124A «Рассекающий дерево пояс». По-видимому, в шаманской традиции, вероятно, имевшей место в праенисейское время, это существо было (как и позднее, например, у тюрков или тунгусов — см. ниже) духом-помощником шамана и источником особой силы, которую шаман получал, опоясываясь либо самим этим духом, либо его внутренностями. Вследствие этого из возможных старых слов, обозначавших хтонических существ, для названия мамонта-рыбы использовался и закрепился за ним древний термин, могущий означать ‘линия’ (*resp.* ‘пояс’). Отсутствие фиксации этих представлений в кетской традиции объясняется, возможно, более инновационным характером культуры кетов, ушедших далеко на север и утративших многие черты праенисейской культуры [см. об этом еще: Напольских, 2022а, 72–92].

Второй аспект, помогающий установить связь между словами со значением ‘гусеница, улитка’ и ‘мамонт-рогатая рыба’, состоит в существовании в ареале от Балкан до Вьетнама мифологического мотива «Змея делается драконом» [Берёзкин, Дувакин, 176А]. Он распространен достаточно широко в Евразии (единственный пример из Америки, у тараумара, достаточно далек территориально и содержательно): у славян и народов карпато-балканского региона, у тюрков — от карачаевцев и казанских татар до туркмен и казахов, в иранском ареале (в зороастрийской традиции, у персов, армян, дардов), в Индии — только у кашмирцев (тамильский и мальдивский примеры в каталоге Берёзкина и Дувакина едва ли соотносимы с остальным материалом). Этот западный ареал имеет истоки, видимо, в иранской традиции, и особенно интересные сюжеты обнаруживаются на Памире и Гиндукуше (см. ниже). На востоке данный мотив был известен в Древнем Китае (впервые, видимо, фиксируется «Ши-и цзи», IV в., в рассказе о великом Юе [Лиюэлуэмэнь]), откуда он попал в Японию, Вьетнам, Корею и к монголам (китайский сюжет, ключевой для всей Восточной Азии, а также популярный японский мотив отсутствуют в каталоге Берёзкина и Дувакина).

Указанные центры иррадиации мотива 176А (Памир и Иран на западе и Китай на востоке) важны потому, что древнейшие истоки енисейских языков следует предполагать на юге, а ближайшим генетическим родственником их является, видимо, язык бурушаски [Топоров, 1969; Торогов, 1971; Касьян, Старостин, 2017; Напольских, 2022а, 72–86], а в более отдаленной перспективе — сино-тибетские языки.

Практически во всех случаях мотив сводится к тому, что змея (иногда оговаривается, что водная змея) или, что особенно важно для нашей темы, рыба (в китайской традиции — карп, прошедший «Ворота Дракона» на Янцзы,

из Китая — у японцев, вьетов и др., а у непосредственных соседей буришей, ваханцев и кхо, — рыба, прожившая определенное время и/или ни разу не попавшаяся на глаза человеку) превращается в конце концов в гигантского змея или дракона, который, в свою очередь, обладает магическими способностями и может, например, превращаться в красавицу в сказочных сюжетах (об этом развитии мотива см. [Бер-Глинка, 2018]). Особняком в каталоге Берёзкина и Дувакина стоят мансийские и хантыйские представления о превращении в мамонта-рыбу (термины см. выше) старого медведя, лося или щуки. К ним следовало бы добавить аналогичные представления селькупов [Прокофьева, 1949] и, вероятно, кетов (прямого указания на такие представления кетов я не нашел, но они следуют из контекста приведенных выше текстов). Среди всего материала из каталога Берёзкина и Дувакина именно в памиро-гиндукушском регионе есть вариант, напрямую сближающийся с угорско-селькупско(-кетской) традицией: у ваханцев *nak* (возможно, от иран. **(s)naka-* ~ др.-инд. *nāga-* ‘змея’ — или просто заимствование из индоарийского) — гигантская рыба, водяное чудовище, в которое превращается рыба, долго живущая в воде: у нее вырастают зубы, и она «становится полосатой как палас» [ЭСлВах, 242]. Похожий мотив есть и у кхо: если рыба проживет сто лет, ни разу не увидав человека, она превращается в змею, а после следующего столетия, проведенного в уединении, становится драконом *nahang* (< перс.) [Йеттмар, 1986, 462], но в последнем случае уже появляется общеевразийская тема дракона. Данный мотив известен и у буришей: бур. *hargin* ‘дракон, чудовище, в которого превращается змея’ [BurHDict] — вероятно, то же самое существо, что и *nahang* у кхо. Бур. *hargin* (по-видимому, слово заимствовано из бурушаски и в шина) сопоставимо с енисейским названием мамонта **čer / *t'èkár*, только если правомерно предполагать соответствие ПЕн **č-* ~ бур. *h-*, что, по-видимому, постулируется в [БурушЭтим; СинКавкЭтим] (там сравнение с ПЕн ‘мамонт’ под вопросом). Это выглядит не слишком надежно, но С. А. Старостин сравнивал бур. *hargin* с ПСевК **čirVχV* ‘гусеница, улитка’ и ПСинТиб **čaŋ* ‘ящерица’ (см. выше), которые я склонен сопоставлять с праенисейским названием мамонта. Проблематичность фонетического сопоставления бур. *hargin* с приводимыми здесь сино-кавказскими параллелями к ПЕн **čer / *t'èkár* ‘мамонт-рыба’ даже не столь важна: само по себе это слово может быть (как, например, ваханское *nak*) поздней инновацией или заимствованием, значение имеет наличие рассматриваемого мотива в традиции буришей и их соседей.

Можно, таким образом, высказать предположение о том, что образ мамонта-рыбы в праенисейской традиции сформировался после продвижения носителей енисейского праязыка с южной прародины в Сибирь, где они познакомились с мамонтом в виде бивней и скелетов этого животного в размывах речных берегов, на базе представлений о превращении змея, рыбы или подобного им хтонического животного в гигантское драконоподобное существо (мотив «Змея делается драконом» [Берёзкин, Дувакин, 176А]). Представления эти существовали

еще у сино-кавказских предков енисейцев и сохранились затем в памиро-гиндукушском регионе, откуда попали к иранцам и распространились среди тюркских, кавказских и балканских народов. К числу сино-кавказских носителей этого мотива принадлежали и предки китайцев, благодаря чему он стал известен в Восточной и Юго-Восточной Азии. С этим мотивом у енисейцев (возможно, в шаманской традиции) оказался сопряжен мотив «Рассекающий дерево пояс» [Берёзкин, Дувакин, *L124A*], имеющий, скорее всего, иранское происхождение. В нем гигантская рыба-мамонт была носителем сверхъестественной силы, которую можно получить путем опоясывания ею или ее внутренностями, что способствовало использованию для обозначения этого мифологического существа слова **çHirV[ь]V* с исконным значением ‘улитка, гусеница, ящерица (> линия)’.

Древность ПЕН **čer* / **t'èkár* ‘мамонт-рыба’, таким образом, получает подтверждение как со стороны этимологии слова, так и благодаря наличию мифологических параллелей. В связи с этим можно полагать, что дериваты этого мифонима существовали не только в кетском и югском (зафиксированы реально) и пумпокольском (восстановлен благодаря заимствованиям в тюркские языки алтае-саянского региона), но и в других енисейских языках и диалектах, в том числе в совершенно нам неизвестных. Возможность принимать во внимание былое существование идиомов (в нашем случае их можно именовать *параенисейскими*), которые не зафиксированы реально, но черты которых могут быть смоделированы на основании тенденций фонетического развития известных родственных языков, особенно важна в случаях, когда знания о реально существовавших языках той или иной группы ограничены (как в случае с енисейской семьей), и при этимологизации слов, не имеющих внутренней этимологии, а по семантическим и культурно-историческим причинам могущих быть заимствованиями из языков данной группы (как в случае с рассматриваемым ниже еще одним сибирским названием мамонта). Поэтому, вполне понимая все риски такого подхода, решусь предложить еще одну импликацию реконструированного праенисейского названия мамонта.

Речь идет о названии мамонта в эвенкийском языке: эвенк. *selī* (диал. *helī*, в илимпийском говоре *hēlir* — междиалектное соотношение по вокализму и суффиксация остаются неясными [Janhunen, 2011, 216]) ‘мамонт, мамонтовая кость’, которое не имеет параллелей в других тунгусо-маньчжурских языках (даже в эвенском), отсутствует в южных эвенкийских диалектах и не находит очевидной внутренней этимологии [ЭвкРСл, 376; ССТМЯ, 2, 140]. Эти обстоятельства заставляют внимательно отнестись к возможности заимствованного (едва ли сильно ранее тысячи лет назад) происхождения данного слова [Janhunen, 2011, 203].

Опираясь на ПЕН **čer* / **t'èkár* ‘мамонт-рыба’, можно смоделировать парасенисейский вариант, который мог бы послужить источником для эвенкийского названия мамонта. Рефлекс ПЕН **č-* в коттском языке совпадает с рефлексом ПЕН **s-* > котт. *š*, аналогично развивалось ПЕН **č-* и в аринском: арин. *š-/s-* (< **č-*, **s-*)

(следует еще иметь в виду, что в праенисейском консонантизме не было *š-, этот звук в коттском и аринском — инновация) [Старостин, 1982, 156]. ПЕН *-r в кетском и югском (в последнем — за исключением слов с корневым *u) системно переходит в -l/-l̄ [Там же, 148]. Если допустить существование параенисейского языка, в котором имело место развитие *č- > š-/s-, как в аринском (и, возможно, в раннем коттском), и *-r > -l или даже > -l̄, как в кетском, то ПЕН *čer могло в нем приобрести облик *sel̄ — форму, почти идеально могущую быть источником эвенк. sel̄³. Предлагая эту этимологию, я хотел бы подчеркнуть, что гипотетическая параенисейская форма *sel̄ является не просто результатом произвольного конструирования (один звук — как в кетском, другой — как в аринском), а отражает реальные тенденции фонетического развития енисейских языков в целом: смешение рефлексов *s- и *č- и развитие на их базе нового š- и разнообразие плавных (*r, *r̄, *r_l, *l, *l̄) в праенисейском с различными, в том числе комбинаторными, вариантами их развития [Старостин, 1982]. Во всяком случае, никакой другой этимологии для не имеющего тунгусо-маньчжурских параллелей эвенк. sel̄ предложить не представляется возможным.

Что касается семантики, то представления о мамонте в эвенкийской традиции сложнее, чем в кетской (*resp.* енисейской), где господствует мамонт-рыба. У эвенков, помимо образа мамонта-рыбы, заимствованного, как я здесь предполагаю, от енисейцев, существовал и мамонт-бык (чаще всего лось) — образ, распространенный практически по всей Сибири. Эвенкийский (как и сибирский в целом) мамонт-бык — существо, изначально жившее на земле и создавшее земной рельеф (реки, овраги, горы и пр.) своими рогами-бивнями, а в более позднее время ушедшее под землю, где, согласно шаманской картине мира, обитает на верхнем подземном уровне и является одним из благожелательных подземных существ, помогающих шаманам при путешествии в нижний мир. Интересно, что мамонт-бык присутствует не только в шаманских представлениях, но и в фольклоре (во всяком случае, в космогонических мифах) и в обрядах испрашивания охотничьей удачи, для которых изготавливают его специальные деревянные изображения. В противоположность этому, мамонт-рыба у эвенков — преимущественно шаманский дух-помощник, изображения которого присутствуют на шаманских костюмах. Естественно, обе фигуры нередко соединяются в одну, образуя удивительные гибриды [Иванов, 1949, 140–147; Василевич, 1949, 154–155; Мазин, 1984, 20–22] (наиболее яркий пример — вынесенное в отдельную словарную статью *сэли* ‘изображение двуглавого существа (одна голова обычно рыба, другая лосиная; шаманская принадлежность)’ [ССТМЯ, 2, 140]). Различия в сферах

³ Теоретически можно предположить и более близкую к коттской параенисейскую форму *šel̄ — если допустить относительно позднее заимствование в «шекающие» эвенкийские диалекты (например, в сымский, хотя там это слово, кажется, не зафиксировано) в виде *šelī (реально формы с š- в эвенкийских диалектах неизвестны), с последующим распространением в эвенкийском с междиалектным «пересчетом» *šelī > sel̄ / hel̄.

функционирования этих двух существ объясняются, видимо, разным их происхождением: мамонт-рыба был заимствован из енисейской традиции достаточно поздно и представлен преимущественно в шаманизме, а мамонт-бык — возможно, более древний, общесибирский мифологический персонаж.

Таким образом, развившийся в культуре енисейского пранарода на базе доенисейских мифологических представлений и старой сино-кавказской основы **çHirV* [*к*] *V* образ мамонта-рогатой рыбы и его имя, ПЕН **čer* / **t'èkár*, достаточно широко иррадиировали в Сибири: были заимствованы тюрками саяно-алтайского региона (пумп. **k^her* > тюрк. *ker* ‘чудовищная рыба или другое мифологическое существо’) и в диалекты эвенкийского языка (параенисейское **sel* > эвенк. *selī* ‘мамонт’), оказав влияние на формирование представлений о мамонте в эвенкийской традиции. Эти наблюдения указывают, помимо прочего, на то, что в прошлом влияние енисейских языков и культур в Сибири было, видимо, шире и значительнее, чем это представлялось до сих пор. Интересно, что и у эвенков, и у хакасов и телеутов заимствованный от енисейцев образ наиболее активно представлен в шаманизме.

Источники

- Лиоэлуэмэнь // Википедия : свободная энциклопедия. URL: <https://zh.wikipedia.org/zh-cn/鲤跃龙门> (дата обращения: 25.03.2023). (На кит. яз.).
- МифК — Мифы, предания, сказки кетов / сост., предисл. и примеч. Е. А. Алексеенко. М. : Восточная литература, 2001.
- СелькМиф — Энциклопедия уральских мифологий. Т. 4 : Мифология селькупов / Н. А. Тучкова, А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич и др. ; ред. В. В. Напольских. Томск : Томск. гос. пед. ун-т, 2004.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : в 2 т. / сост. В. И. Цинциус и др. Л. : Наука, 1975.
- ЭвкРСл — *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
- Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Trübner, 1904.
- BurHDict — *Bechtholdt A.* Burushaski Hunza Dictionary. URL: <https://www.webonary.org/burushaski-hunza> (date of access: 27.01.2023).
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Bd. 1–15. Berlin : Akademie Verlag, 1956–1993.
- Radloff W.* Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens. Bd. 1 : Die Dialekten des eigentlichen Altai: der Altajer und Teleuten, Lebed-Tataren, Schoren und Sojonen // *Radlov W.* Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der dsungarischen Steppe. 1. Abteilung. Proben der Volksliteratur. Übersetzung. Sankt-Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1866.
- WogW — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986.

Исследования

- Бер-Глинка А. И.* Сюжетный тип АТУ411 в сказочной традиции Евразии: некоторые замечания к «Типологическому указателю сказочных сюжетов» Г.-Й. Утера // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 171–184.
- Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 16.01.2023).
- Бурнаков В. А.* Щука в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX — середина XX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «История, филология». 2019. Т. 18, № 7 : Археология и этнография. С. 177–186.
- БурушЭтим — *Старостин С. А.* Бурушаски этимология = *Starostin S. A.* Burushaski etymology // Старостин С. А., Старостин Г. С. Вавилонская башня : проект этимологической базы данных = The Tower of Babel. Etymological database project. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\sinocauc\buruet&first=1> (дата обращения: 03.02.2022).
- Василевич Г. М.* Языковые данные по термину *хэл ~ кэл* // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 11 / отв. ред. С. П. Толстов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 154–156.
- Григоровский Н. П.* Очерки Нарымского края // Записки Западносибирского отделения Русского географического общества. 1882. Кн. 4. С. 1–60.
- Дыренкова Н. П.* Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 10 / отв. ред. С. П. Толстов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 108–190.
- Иванов С. В.* Мамонт в искусстве народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 11 / отв. ред. С. П. Толстов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 133–154.
- Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М. : Вост. лит., 1986.
- Касьян А. С., Старостин Г. С.* Автоматическое сравнение енисейско-буришской базисной лексики и вероятностная оценка схождений (презентация) // XII традиционные чтения памяти С. А. Старостина (23–24 марта 2017 г., Москва). URL: <https://starlingdb.org/confer/Kassian-2017.pdf> (дата обращения: 13.01.2023).
- Мазин А. И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1984.
- Напольских В. В.* Названия соли в уральских языках. СПб. : Маматов, 2022а.
- Напольских В. В.* Хакасско-алтайский мифоним *ker* и праенисейское название мамонта. I // Вопросы ономастики. 2022б. Т. 19, № 3. С. 65–82. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.030
- Новиков А. И.* Некоторые аналогии к мамонту из области алтайской этнографии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 11 / отв. ред. С. П. Толстов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 160–161.
- Потапов Л. П.* Бубен телеутской шаманки и его рисунки // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 10 / отв. ред. С. П. Толстов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 191–200.
- Прокофьева Е. П.* Мамонт по представлениям селькупов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 11 / отв. ред. С. П. Толстов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 159.
- СинКавкЭтим — *Старостин С. А.* Сино-кавказская этимология = *Starostin S. A.* Sino-Caucasian etymology // Старостин С. А., Старостин Г. С. Вавилонская башня : проект этимологической базы данных = The Tower of Babel. Etymological database project. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?basename=data\sinocauc\scctet&root=config&morpho=0> (дата обращения: 16.01.2023).

- СинТибЭтим — Старостин С. А. Сино-тибетская этимология = *Starostin S. A. Sino-Tibetan etymology* // Старостин С. А., Старостин Г. С. Вавилонская башня : проект этимологической базы данных = *The Tower of Babel. Etymological database project*. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\sintib\stibet&root=config&morpho=0> (дата обращения: 16.01.2023).
- Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика / отв. ред. Е. А. Алексеенко. Л. : Наука, 1982. С. 144–237.
- Топоров В. Н. К вопросу о типологической близости енисейских языков и бурушаски // Происхождение аборигенов Сибири и их языков : материалы межвуз. конф. Томск : ТомГУ, 1969. С. 217–220.
- Членова Н. Л. Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков : материалы межвуз. конф. Томск : ТомГУ, 1969. С. 143–146.
- ЭСИрЯ — Этимологический словарь иранских языков / сост. В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман (т. 1–3), Д. И. Эдельман (т. 3–). М. : Вост. лит., 2000–. Т. 1–.
- ЭСлВах — *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб. : Востоковедение, 1999.
- Janhunen J.* Unicorn, mammoth, whale. Mythological and etymological connections of zoonyms in North and East Asia // *Linguistics, archaeology and the human past* / ed. by T. Osada, H. Endo. Kyoto : Indus Project, 2011. P. 189–222.
- NCED — *Nikolayev S. L., Starostin S. A.* A North-Caucasian Etymological Dictionary / ed. by S. A. Starostin. Moscow : Asterisk Publ., 1994.
- Toporov V. N.* Burushaski and Yenisean languages: some parallels // *Travaux linguistiques de Prague*. 1971. Vol. 4. P. 107–125.

Рукопись поступила в редакцию 10.01.2023

Рукопись принята к печати 28.02.2023

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

арин.	аринский язык	ПСинТиб	сино-тибетский праязык
бур.	язык бурушаски	пумп.	пумпокольский язык
кет.	кетский язык	рутул.	рутульский язык
котт.	коттский язык	таб.	табасаранский язык
лезг.	лезгинский язык	тел.	телеутский язык
манс.	мансийский язык (с. — северное наречие)	хак.	хакасский язык
ПЕН	праенисейский язык	хант.	хантыйский язык
ПСевК	севернокавказский праязык	эвенк.	эвенкийский язык
		юг.	югский язык

* * *

Напольских Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
 член-корреспондент РАН,
 ведущий научный сотрудник топонимической
 лаборатории кафедры русского языка, общего
 языкознания и речевой коммуникации
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
 научный сотрудник Школы актуальных
 гуманитарных исследований
 Российская академия народного хозяйства
 и государственной службы
 при Президенте РФ
 119571, Москва, пр. Вернадского, 82, корп. 2
 E-mail: vovia@udm.ru

Napolskikh, Vladimir Vladimirovich

DrHab, Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Leading Researcher
 Toponymic Laboratory
 Department of the Russian Language, General
 Linguistics and Verbal Communication
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia;
 Research Fellow,
 School of Contemporary Humanities Studies
 Russian Academy of National Economy
 and Public Administration under the President
 of the Russian Federation
 82/2, Vernadsky Ave., 119571 Moscow, Russia
 Email: vovia@udm.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>

Vladimir V. Napolskikh

Ural Federal University
 Ekaterinburg, Russia
 Russian Academy of National Economy and Public Administration
 under the President of the Russian Federation
 Moscow, Russia

**THE KHAKAS-ALTAIAN MYTHONYM *KER*
 AND THE PROTO-YENISSEAN WORD FOR 'MAMMOTH'. 2**

The article continues the research on the names of mammoth or other mammoth-like monsters as characteristic elements of the mythological onomasticon of some Siberian traditions (Turkic, Yenissean, Tungusic). In the first part of the article, the author identified a reconstructed Proto-Yenissean form *čer / *t'èkár 'mammoth (giant horned fish)' > Ket 'tél' ~ Yug 'čel ~ Pumpokol *k'èr (> Altaic, Khakass, Teleut *ker*, *kär* 'a monster, especially a giant fish') as a possible origin of these names. In this part, the author proposes a pre-Yenissean (Sino-Caucasian) etymology for it: *cHírV[*к*]V (> North-Caucasian *círVχV 'caterpillar, snail; line' ~ Sino-Tibetan *čaŋ 'lizard' ~ (?) Burushaski *hargin* 'dragon, a monster that a snake turns into.' It is assumed that the image of the mammoth-fish (as opposed to a more widely known and probably more ancient image of mammoth-bull) was formed in the Proto-Yenissean tradition after the speakers of the Yenissean proto-language migrated from the southern ancestral homeland to Siberia. It is based on ideas about the transformation of a snake, fish or similar chthonic animal into a giant dragon-like creature that existed among the Sino-Caucasian ancestors of the Yenisseans spread in the Pamir-Hindukush region, and was known to the ancient Chinese. The formation of the image of the mammoth-fish among the Yenisseans was also influenced

by the Iranian motif of the “a belt dissecting a tree.” The Yenissean image of the mammoth-fish reached Siberia, particularly, it was borrowed into the shamanic tradition of the Evenks, which is evidenced by the possible etymology of the Evenki *sel̄* ‘mammoth’ (including mammoth-horned fish) from the reconstructed form of the unknown Yenissean language **sel̄* (< **čer* / **t̄əkár*).

К е у о р д с: mammoth; etymology; mythology and folklore of Siberia; shamanism; Sino-Caucasian languages; Yenissean languages; Tungus-Manchurian languages; Evenki language; Turkic languages

Acknowledgements

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the *Priority-2030* Program) is gratefully acknowledged.

- Berezkin, Yu. E., & Duvakin, E. N. (2023). *Tematicheskaia klassifikatsiia i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam: analiticheskii katalog* [Thematic Classification and Distribution of Folklore and Mythological Motifs by Areas: An Analytical Catalog]. Retrieved from <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
- Ber-Glinka, A. I. (2018). Siuzhetnyi tip ATU411 v skazochnoi traditsii Evrazii: nekotorye zamechaniia k “Tipologicheskomu ukazatelju skazochnykh siuzhetov” G.-I. Utera [Plot Type ATU411 in the Fairy Tale Tradition of Eurasia: Some Remarks on the “Typological Index of Fairy Tale Plots” by H.-J. Uther]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4, 171–184.
- Burnakov, V. A. (2019). Shchuka v verovaniiax i fol'klоре khakasov (konets XIX — seredina XX veka) [Pike in the Beliefs and Folklore of the Khakass (Late 19th — Mid 20th Centuries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. “Istoriia, filologiiia”*, 18(7: Arkheologiia i etnografiia), 177–186.
- Chlenova, N. L. (1969). Sootnoshenie kul'tur karasukskogo tipa i ketskikh toponimov na territorii Sibiri [Correlation of Cultures of the Karasuk Type and Ket Toponyms on the Territory of Siberia]. In *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh iazykov* [The Origin of the Natives of Siberia and their Languages] (pp. 143–146). Tomsk: TomGU.
- Dyrenkova, N. P. (1949). Materialy po shamanstvu u teleutov [Materials on Shamanism among Teleuts]. In S. P. Tolstov (Ed.), *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography] (Iss. 11, pp. 108–190). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Grigorovsky, N. P. (1882). Ocherki Narymskogo kraia [Essays on the Narym Territory]. *Zapiski Zapadnosibirskogo otdeleniia Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 4, 1–60.
- Ivanov, S. V. (1949). Mamont v iskusstve narodov Sibiri [Mammoth in the Art of the Peoples of Siberia]. In S. P. Tolstov (Ed.), *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography] (Iss. 11, pp. 133–154). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Janhunen, J. (2011). Unicorn, Mammuth, Whale. Mythological and Etymological Connections of Zoonyms in North and East Asia. In T. Osada, & H. Endo (Eds.), *Linguistics, Archaeology and the Human Past* (pp. 189–222). Kyoto: Indus Project.
- Jettmar, K. (1986). *Religii Gindukusha* [Religions of the Hindu Kush]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Kasyan, A. S., & Starostin, G. S. (2017). Avtomaticheskoe sravnenie eniseisko-burishskoi bazisnoi leksiki i veroiatnostnaia otsenka skhozhdenii [Automatic Comparison of Yenissean-Burushaski Basic Vocabulary and Probabilistic Estimation of Convergence]. In *XII traditsionnye chteniia*

- pamiati S. A. Starostina (23–24 marta 2017 g., Moskva)* [12th Traditional Readings in Memory of Sergey Starostin (March 23–24, 2017, Moscow)]. Retrieved from <https://starlingdb.org/confer/Kassian-2017.pdf>
- Mazin, A. I. (1984). *Traditsionnye verovaniia i obriady evenkov-orochonov (konets XIX — nachalo XX v.)* [Traditional Beliefs and Rituals of the Evenki-Orochons (Late 19th — Early 20th Centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
- Napolskikh, V. V. (2022a). *Nazvaniia soli v ural'skikh iazykakh* [Names of Salt in the Uralic Languages]. St Petersburg: Mamatov.
- Napolskikh, V. V. (2022b). Khakassko-altaiskii mifonim *ker* i praeniseiskoe nazvanie mamonta [The Khakas-Altai Mythonym *Ker* and the Proto-Yenisean Word for ‘Mammoth’]. I. *Voprosy onomastiki*, 19(3), 65–82. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.030
- Nikolayev, S. L., & Starostin, S. A. (1994). *A North-Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk Publ.
- Novikov, A. I. (1949). Nekotorye analogii k mamontu iz oblasti altaiskoi etnografii [Some Analogies to the Mammoth from the Field of Altai Ethnography]. In S. P. Tolstov (Ed.), *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography] (Iss. 11, pp. 160–161). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Potapov, L. P. (1949). Buben teleutskoj shamanki i ego risunki [Tambourines of Teleut Shamans and their Drawings]. In S. P. Tolstov (Ed.), *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography] (Iss. 10, pp. 191–200). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Prokofyeva, E. P. (1949). Mamont po predstavleniiam sel'kupov [Mammoth According to the Ideas of the Selkups]. In S. P. Tolstov (Ed.), *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography] (Iss. 11, p. 159). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Rastorgueva, V. S., & Edelman, D. I. (Eds.). (2000–). *Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages] (Vols. 1–). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Starostin, S. A. (1982). Praeniseiskaia rekonstruktsiia i vneshnie svyazi eniseiskikh iazykov [Proto-Yenisean Reconstruction and External Relations of the Yenisean Languages]. In E. A. Alekseenko (Ed.), *Ketskii sbornik. Antropologiya, etnografiya, mifologiya, lingvistika* [The Kets Collection. Anthropology, Ethnography, Mythology, Linguistics] (pp. 144–237). Leningrad: Nauka.
- Starostin, S. A., & Starostin, G. S. (2022). *The Tower of Babel. Etymological Database Project*. Retrieved from <https://starling.rinet.ru/babel.php?lan=en>
- Steblin-Kamensky, I. M. (1999). *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Wakhan Language]. St Petersburg: Vostokovedenie.
- Toporov, V. N. (1969). K voprosu o tipologicheskoi blizosti eniseiskikh iazykov i burushaski [To the Typological Proximity of the Yenisean Languages and Burushaski]. In *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh iazykov* [The Origin of the Natives of Siberia and their Languages] (pp. 217–220). Tomsk: TomGU.
- Toporov, V. N. (1971). Burushaski and the Yenisean Languages: Some Parallels. *Travaux linguistiques de Prague*, 4, 107–125.
- Vasilevich, G. M. (1949). Iazykovye dannye po terminu *khel* ~ *kel* [Language Data Related to the Term *khel* ~ *kel*]. In S. P. Tolstov (Ed.), *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography] (Iss. 11, pp. 154–156). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.